

М. С. ЩЕПКИН В НИЖНЕМ

К 175-летию
со дня рождения

ставляет значительный интерес.

В театроведческой литературе долго было широко распространено мнение, что Щепкин «не понял» Островского, отрицательно к нему относился и поэтому не любил выступать в его пьесах, а если и выступал, то делал это в провинции, так как опасался показаться перед московской публикой в невыгодном свете по сравнению с Провом Садовским, непревзойденным исполнителем образов великого драматурга. В частности, это было отнесено и к роли Л. Торцова, которую Щепкин якобы считал «грязной». Однако это утверждение несостоятельно.

Как видно из письма, посланного сыну из Н. Новгорода, Михаил Семенович говорит не о самой роли, а лишь о том, что она, по его мнению, у Садовского «при его игре „грязна“, а это далеко не одно и то же. Щепкин полагал, что Садовский, прекрасно выражая комическую сторону характера Торцова, мало выдавал его внутреннюю борьбу с самим собой. Вникая в роль, Щепкин убедился, что в ней можно отыскать такие стороны, какие не вскрыл Садовский. Любопытно отметить, что, создавая роль, Щепкин, отталкиваясь от жившего у него старого парикмахера Пантелея Ивановича — горького пьяницы, но прекрасного человека. Проверить себя стало для Щепкина «потребностью души». Играть же роль в Москве он счел для себя неудобным, так как, во-первых, он получал пспектакльную плату и, «просить роль» было «все равно, что просить 40 рублей серебром», а во-вторых, ему казалось это

нетактичным по отношению к Садовскому. И вот Щепкин соглашается на материально невыгодную поездку на Нижегородскую ярмарку только для того, чтобы сыграть Любима Торцова.

Работа старого мастера увенчалась полным успехом. Об этом свидетельствует сын декабриста Е. И. Якушкин в письме к жене. Правда, он считает, что Щепкин излишне расчувствовался и беспрестанно плакал, но тут же указывает, что присутствующие на этом спектакле В. П. Боткин — друг Белинского, писатель, член кружка Станкевича, и П. В. Анненков — литературный критик, первый издатель и редактор собрания сочинений А. С. Пушкина, — люди, тонко разбирающиеся в искусстве, «превозносили до небес игру Щепкина». Первый беспрестанно повторял «прекрасно, прекрасно...», а второй утверждал, что Щепкин «создает совершенно новое лицо». Сам же артист говорил, что роль прекрасная, но он не вполне овладел ею, так как ее трудно выполнить, ибо «надо показать, что под этой грязной оболочкой скрывается такое благородство, доброта, какие редко встречаются».

В целом же Щепкин был удовлетворен своей работой (и это с ним бывало редко), и она придавала ему новые силы. Его жена в письме к сыну указывала, что «отец приехал из Нижнего молодцом-молодцом, а поехал старичишком, скучным и дряхлым».

Заслуживает внимания и приезд Щепкина с грибоедовским «Горе от ума». Чтобы правильно оценить значение этого события, надо вспомнить, что постановка бессмертной комедии актером на

провинциальной сцене была царской цензурой категорически запрещена. К этому следует прибавить, что спектакль шел в блистательном составе актеров Малого театра: Чацкий — Самарин, Сколозуб — Ольгин, Репетилов — Живокини, Фамусов — Щепкин. Это была одна из коронных ролей, в которой он, по выражению Гоголя, мог «царствовать» на сцене. Можно себе представить, как принимала спектакль демократическая часть публики, у которой интерес к комедии был огромен.

Для определения общественно-го лица великого артиста особо значительное пребывание его в нашем городе зимой 1857 года. Свои демократические взгляды Щепкин демонстрировал не раз. Недаром московский генерал-губернатор в секретном донесении писал шефу жандармов Долгорукову: «Щепкин М. С. — актер. Желает переворотов и готов на все». Так было и в описываемом случае.

Народный украинский поэт Т. Г. Шевченко при возвращении после 10-летней ссылки из Закаспийской пустыни в Москву был задержан жандармами в Н. Новгороде. Отсюда он писал Щепкину с горькой иронией: «Теперь я в Н. Новгороде, на воле, на такой воле, как собака на привязи», выражал желание посмотреть на «великого друга» и одновременно насладиться его игрой. Задуманная Шевченко гастроль получила горячую поддержку со стороны известного составителя словаря В. И. Даля и других театралов.

И вот 69-летний артист, не задумываясь, согласился, несмотря на декабрьскую стужу, совершить

трудную поездку на лошадях за 400 верст. При этом Щепкин подчеркивает, что главное для него — свидание с другом, и если выступление не состоится, то «мы и без театра обойдемся».

Свидание артиста императорского театра с крамольником! Это было явной и смелой политической демонстрацией.

Встреча народных художников — поэта и артиста — состоялась. Шевченко отразил этот «праздника праздник» в задушевных строках своего дневника и посвятил Михаилу Семеновичу написанную в дни ожидания поэму «Неофит». Щепкин сыграл в этот приезд роли, в которых наиболее полно раскрывались гений артиста и его отточенное мастерство. В Чупруне из «Москаля-Чаривника» блеснул природный юмор, в городничем — глубокая жизненная правда, в Торцове и Матросе — изумляющее современников сочетание комического и трагического. И во всем — покоряющая сила огненного темперамента, подчиненного строгому художественному замыслу артиста-демократа.

Талант Щепкина оказал влияние на работу нижегородских артистов, которым выпадало счастье выступать на одной сцене с мастером. Так было с актером Трусовым, игравшим в «Горе от ума» Молчалина, так было с Пиуновой-Шмитгоф. «Как благодетельно действовал Михайло Семенович на это милое и даровитое создание, — писал Шевченко. — Она выросла, похорошела, поумнела после «Москаля-Чаривника», где играла роль Татьяны».

Последний раз Щепкин был в Н. Новгороде в 1863 году — за несколько недель до смерти. Здесь он испытал сильное потрясение, забыв текст роли в пьесе «Женити». За кулисами артист «в странном волнении и негодовании на себя кричал: «Что со мной случилось, любимая роль и вдруг забыл... Старость проклятая». Чтобы доказать публике, что он может исполнить роль как следует, Щепкин на следующий день вновь играл ее, и играл блестяще». Но нелегко это давалось. Недаром он пишет внукам: «Исповедуюсь — тяжело играть стало». Такова была действительность. Прославленный на всю Россию 74-летний старик вынужден был ради куска хлеба насущного напрягать свои последние силы.

Таковы штрихи из биографии великого артиста, связанного с искусством нашего города. Внимательный анализ работы театра сегодняшнего дня мог бы обнаружить органическую связь традиций критического реализма М. С. Щепкина, через В. Н. Давыдова, Н. И. Соболевского-Самарина, с игрой наших современников, поднятой на новую ступень ведущего метода советского искусства — социалистического реализма.

Г. ЯВОРОВСКИЙ.

Горьковский
РАБОЧИЙ

16 ноября 1963 г.

3 стр.